

О СТРОЕВОМЪ ОБРАЗОВАНИИ

КАЗАКОВЪ (*).

«Неученье — тьма».

Немного такихъ истинъ въ области современнаго прогресса, предъ которыми всѣ мнѣнія сливались бы въ одинъ голосъ, противъ которыхъ не слышалось бы ни одного возраженія. Все зависитъ отъ взгляда на предметъ. Былъ въ наше время образованный русскій человѣкъ, называвшій себя казакомъ (хотя онъ и не былъ казакъ), который не шутя утверждалъ, что русскій народъ не надо учить, что ученье портитъ его патріархальные нравы. Вотъ вамъ доказательства, вотъ даже доказательства, почерпнутыя изъ опыта, изъ самыхъ нижнихъ слоевъ народной жизни. Но почерпнуты ли эти доказательства изъ самаго предмета, или взяты извнѣ? Оказывается, что они взяты изъ внѣшнихъ случайностей, изъ частныхъ явленій народной жизни; а потому, будучи логичны снаружи, они несостоятельны въ своей сущности. Такъ, въ нашемъ военномъ мѣрѣ, при общемъ убѣжденіи въ пользѣ и необходимости строеваго обученія, суще-

(*) Въ настоящее время, особый комитетъ при управленіи иррегулярныхъ войскъ оканчиваетъ проектъ строеваго устава для конныхъ полковъ казачьихъ войскъ. Начала, принятыя въ основаніе этого новаго устава, сколько намъ извѣстно, совпадаютъ съ главною мыслью, развитою въ настоящей статьѣ, что и даетъ ей особенное значеніе.

Т. XV. Отд. II.

Ред.

23

ствуютъ частныя мнѣнія, что казаковъ не должно учить, что ученѣе можетъ только портить ихъ, убивать въ нихъ природныя военныя качества. Мы просили бы не выходить изъ предмета и раскрыть намъ осязательно, что можетъ быть вреднаго въ строевомъ образованіи для врожденныхъ военныхъ качествъ, и какимъ именно образомъ строевое обученіе поглощаетъ или хотя притупляетъ военныя качества? Этого намъ не раскрываютъ, а приводятъ доказательства извнѣ, указываютъ на примѣры, и мало того, что указываютъ на прежнихъ воинственныхъ казаковъ, но еще и на турецкую конницу, которая совсѣмъ оплошала съ тѣхъ поръ, какъ начали ее строить и учить по европейски. Но кто потрудится изслѣдовать сколько нибудь, изъ какихъ элементовъ составляется регулярная турецкая конница, каковы у нея лошади, снаряженіе и вооруженіе, каковы офицеры, какова военная администрація и каковъ вообще духъ одряхлѣвшей мухаммеданской имперіи, тотъ не станетъ относить причину упадка турецкой конницы къ строевому ея образованію и не подумаетъ приводить ее въ примѣръ нашему казачеству, не имѣющему ничего общаго съ нею. Мы знаемъ, что примѣры, взятыя даже изъ собственнаго нашего прошедшаго, ничего не могутъ доказывать въ нашемъ настоящемъ. Мы знаемъ, что и наши предки не дѣлались вояками по вдохновенію свыше и учились по своему, что одно только обученіе дѣлаетъ превосходнаго воина изъ простаго земледѣльца, что отъ фаланги Александра Македонскаго до колоннъ Наполеона строй торжествовалъ надъ толпой, порядокъ—надъ беспорядкомъ. Строй—сила, и не физическая просто сила, а высшая мощь военнаго генія. Превосходство строеваго образованія понимается такъ же просто, какъ и превосходство научнаго образованія вообще. Но какимъ образомъ невѣжество можетъ быть лучше образованія, беспорядокъ лучше порядка, орда лучше строя—это рѣшительно непонятно. Конечно, строевое ученѣе, какъ и всякое другое, можетъ не приносить того, чего отъ него ожидали, можетъ даже приводить къ такъ называемымъ обратнымъ послѣдствіямъ, если оно безъ толку поведено, если оно не проникнуто живой мыслью и любовью къ дѣлу и если, наконецъ, уклонено отъ прямаго служенія своей высокой цѣли. Но это уже стороннія вещи, и приводить ихъ въ доказательство противъ пользы строя значитъ брать то, чего вѣтъ въ самомъ предметѣ, составляющемъ вопросъ.

Но отъ вашихъ же старшинъ, говорите вы, можно слышать иногда, что строевое обученіе не пригодно казакамъ, что имъ лучше оставаться тѣмъ, чѣмъ были ихъ дѣды и прадѣды.

Такія незамысловатыя сужденія можно слышать отъ людей отсталыхъ, которымъ почему-то кажется, что исторія обходитъ казаковъ, что они не двигаются въ общемъ движеніи русской жизни и остаются на томъ же все мѣстѣ, гдѣ были ихъ дѣды и прадѣды. Мнѣнія подобныхъ людей отнюдь не слѣдуетъ принимать за голосъ живаго опыта, свѣжаго убѣжденія. И здѣсь, какъ вездѣ, эти безжизненные мнѣнія идутъ отъ причинъ чисто личныхъ. Эти личные причины могутъ быть слѣдующія:

Въ тѣ поры, какъ мы доходили до чиновъ, все было просто; а теперь, какъ мы ужь въ большихъ чинахъ, завелись разные мудреные порядки; надобно самимъ учиться и учить другихъ,— и то и другое неудобно: такъ ужь лучше утверждать, что строй не нуженъ. Далѣе — когда мы будемъ дѣйствовать строемъ, боевое поведеніе каждаго передоваго человѣка будетъ открыто, и если я придержалъ коня тамъ, гдѣ это совсѣмъ было не нужно, такъ послѣ нечѣмъ будетъ и выговориться, а въ простой кучѣ я могу первый укоротить поводья и потомъ говорить съ жаромъ: рвался-де изо всѣхъ силъ, да что жь вы съ этой толпой сдѣлаете? кто въ лѣсъ, кто по дрова: ну, и самому пришлось повернуть назадъ.... Наконецъ, когда сторонніе люди, съ политическимъ настроеніемъ, но съ слабымъ знаніемъ современнаго нашего быта, гово ятъ намъ: васъ совсѣмъ учить не надо, потому что вы природные воины, — это чрезвычайно льстить нашему самолюбію, и намъ ничего больше не остается сказать, какъ только: да, да, это правда!

Но правда ли это?

Увы, извѣстная своею скупостію природа не даетъ одного готоваго качества цѣлому народу, особенно, если это качество цѣнное и возвышенное, какъ, на примѣръ, военное. Чтобъ быть, по возможности, общимъ для цѣлаго народа, подобное качество должно вырабатываться независимо отъ природы. Обстоятельства, образъ жизни и господствующій интересъ дадутъ цѣлому народу извѣстное направленіе, извѣстный духъ и характеръ. Съ переменною преобладающихъ обстоятельствъ необходимо измѣняется и преобладающее свойство народа, потому что измѣняется его воспитаніе. Воспитаніе такъ же существуетъ для цѣлаго народа, какъ и для отдѣльнаго человѣка. Было время, что

мы, дѣйствительно, были природными воинами, сказать точнѣе—воспитывались воинами, потому что другаго воспитанія мы тогда получать не могли: таковы были обстоятельства, такова была наша житейская обстановка. Намъ нужно было завоевывать каждый свой день, чтобъ жить. Безопасность личную и имущественную мы должны были отстаивать оружіемъ. Всѣ наши интересы, вещественные и нравственные, находились подъ покровительствомъ оружія, и военное ремесло поэтому было у насъ господствующимъ интересомъ. Оно сообщало цѣлому народу одинъ духъ, одну физиономію — военный духъ, военную физиономію. Но обстоятельства перемѣнились. Молодое государство достигло своего совершеннѣйшаго и само вступило въ распоряженіе тою частію своихъ дѣлъ, которая была на нашихъ исключительно рукахъ. Оно стало впереди насъ и сказала намъ: ну, спасибо вамъ, атаманы-молодцы, похлопотали, постарались настоящими русскими молодцами; теперь ужь и я вамъ дамъ заснуть спокойно; вы все-таки будете служить мнѣ вашу добрую, молодецкую службу, но только—когда нужно; буду я воевать—и вы будете воевать, буду въ миру—и вы будете наслаждаться миромъ; я буду заботиться о вашихъ нуждахъ матеріальныхъ и нравственныхъ.... И вотъ мы начали жить общей жизнью государства. То, что мы должны были прежде завоевывать оружіемъ—безопасность личную и имущественную, даетъ намъ государство мирными путями. Нашъ образъ жизни кореннымъ образомъ измѣнился, а съ нимъ измѣнилось и наше воспитаніе. Мы перестали уже развиваться для войны въ самыхъ нѣдрахъ домашней жизни. Справедливо, что мы остались народомъ вооруженнымъ; но уже не личный интересъ народа, а обязанность государственная управляетъ нашимъ оружіемъ. Охочее военное ремесло превратилось въ урочную военную повинность. Обязанность и повинность не входятъ въ домашнюю жизнь: онѣ составляютъ такъ называемую общественную дѣятельность. Въ домашней жизни мы тѣ же мирные граждане, какъ и всѣ остальные граждане въ государствѣ; мы такъ же отдаемъ руки мирному труду, какъ и они; у насъ тѣ же самые интересы, что и у нихъ. Мы уже не природные и даже не доморощенные воины: мы обязанные воины.

Но, при вѣковой наслѣдственности военного званія, должны переходить изъ поколѣнія въ поколѣнія военные преданія, наклонности и самый духъ. Это справедливо до нѣкоторой степе-

ни, на нѣкоторое время. Я не стану касаться здѣсь историческихъ обстоятельствъ перехода казачества въ мирную государственную жизнь. Переходъ этотъ, какъ и всѣ историческіе переходы, не обошелся безъ утратъ. Что утрачено, что осталось — раскрытіе этого повело бы къ обширному историческому изложенію. Я скажу только, что казакъ, какъ онъ есть теперь, съ дѣтства видитъ вокругъ себя военныхъ людей, слышитъ военные рассказы и военную пѣсню, получаетъ первыя впечатлѣнія военного отбѣнка. Въ богатыхъ натурахъ первыя впечатлѣнія дѣтства западаютъ иногда глубоко, остаются иногда на всю жизнь преобладающей мыслью и страстью. Отчего, скажите, въ срединѣ спѣлаго яблока, около самаго сѣмячка, вы находите живаго червячка, когда плодъ совершенно цѣлъ снаружи? Какъ туда зашелъ этотъ живой червячекъ? Онъ не зашелъ туда: онъ росъ вмѣстѣ съ плодомъ, зародившись изъ пыли, которую бабочка бросила весной въ чашечку цвѣтка. Это—первое впечатлѣніе дѣтства въ богатыхъ натурахъ. Но на свѣтѣ больше бѣдныхъ натуръ, а впечатлѣнія дѣтства наводятъ только грунтъ для картины, но не дѣлаютъ самой картины. И раннія впечатлѣнія, и семейныя преданія, и сцены общественной жизни только сродняютъ казака съ мыслью, что онъ родился и растетъ служивымъ человѣкомъ, что его призваніе — военная служба; но все это нисколько не развиваетъ и не приготовляетъ его дѣятельнымъ образомъ для службы. Безъ рекрутскихъ присутствій и отдатчиковъ, по первому слову, онъ явится на службу, когда придетъ его время; но до того онъ все-таки развивается мирнымъ гражданиномъ: ѣздитъ на пашню, пасетъ стадо, тянетъ неводъ, нанимается въ работники, ходитъ въ отбывку земскихъ повинностей и вообще трудится такъ же, какъ и государственный крестьянинъ. Ему надо много трудиться, можетъ быть, больше еще, чѣмъ тому, кто платитъ подать. На немъ лежатъ три обязанности: земскаго обитателя, коннаго ополченца, съ собственнымъ снаряженіемъ, и кормильца семьи. Изъ соединенія этихъ трехъ обязанностей для него слагается тройной трудъ: отбывка земскихъ повинностей, воинское снаряженіе и обезпеченіе существованія семьи не только на текущіе дни, но и на то время, когда онъ ее покинетъ — уйдетъ на службу общему Батюшкѣ отечества, Царю. Нужды семейной жизни, потребности служебнаго снаряженія и споспѣшествованіе государственному благоустройству страны поглощаютъ все его время, всѣ его

способности, и онъ является на службу не приготовленнымъ для службы. А, между тѣмъ, время беретъ свое: въ самыхъ станицахъ, сдѣлавшихся земскими селеніями, и въ самомъ святилищѣ семействъ, вошедшихъ въ общую среду мирнаго сельскаго класса въ государствѣ, военныя преданія умолкаютъ, военныя наклонности уступаютъ мѣсто насущнымъ матеріальнымъ интересамъ. Поэзія прежняго быта поглощается прозою текущихъ дней. Казачество создается уже положеніями, а не исторіей, не самой жизнью. А потому, если сама жизнь не даетъ уже намъ военнаго развитія, мы должны искать его въ строевомъ обученіи.

За небольшимъ исключеніемъ передовыхъ станицъ Кавказской Линіи, гдѣ военная тревога вноситъ еще военное развитіе въ домашнюю жизнь казачьяго населенія, надобно согласиться, что нынѣшній казакъ хотя приходитъ на службу съ конемъ и оружіемъ, но безъ достаточнаго умѣнья владѣть тѣмъ и другимъ (*). А чтó важнѣе еще — онъ приходитъ не въ вольную ватагу и не во временное ополченіе, а въ штатный полкъ, съ тѣми же эскадронами и взводами, съ тѣми же офицерами, двигающими массу людей короткимъ словомъ команды, съ той же дисциплиной — душой всякаго благоустроеннаго войска — какъ и регулярный кавалерійскій полкъ. Слѣдственно, ему надо учиться, чтобъ умѣть управиться съ конемъ и оружіемъ, не только въ одиночку, но и въ составѣ собирательной силы, чтобъ знать свое мѣсто во всѣхъ положеніяхъ и перестроеніяхъ этой силы, чтобъ быть орудіемъ разумнымъ и послушнымъ короткому слову команды. Безъ обученія невозможенъ строй; безъ строя невозможно командованіе; безъ командованія невозможна дисциплина; безъ дисциплины невозможны доблестные подвиги, и даже самые офицеры будутъ тогда чѣмъ-то лишнимъ. Итакъ,

(*) Въ доказательство того, что доморощенное военное развитіе возможно только тамъ, гдѣ военная тревога касается самаго порога домашняго крова и составляетъ обычное событіе дня, укажемъ на казаковъ Кавказской Линіи: кавказскихъ и черноморскихъ. Обитатели передовыхъ станицъ, подверженныхъ нападеніямъ горцевъ, болѣе воинственны, чѣмъ тѣ, которые сидятъ сзади и къ которымъ военная тревога проникаетъ рѣдко. То же самое должно сказать и о горцахъ: ближайшіе къ нашимъ линіямъ дерутся лучше дальнѣйшихъ. Въ прежнее время, когда донское войско было пограничнымъ, низовые казаки, стоявшіе лицомъ къ лицу противъ Татаръ, имѣли всѣ преимущества надъ верховыми, которымъ давались даже обидныя прозвища. (См. «Военный Сборникъ» 1858 г., № 2, статью г. Краснова: «*Верховые и низовые казаки*»). Выходитъ, что логическій законъ: какова причина, таково и дѣйствіе, во всѣхъ случаяхъ справедливъ.

отвергать необходимость строевого обученія для казаковъ значитъ отодвигать ихъ изъ современнаго ихъ бытоваго и служебнаго устройства назадъ, въ ту эпоху, въ которой они уже не живутъ, — значитъ отсылать ихъ въ то состояніе, въ которомъ пріобрѣли они громкую, но печальную извѣстность между арміями и народами образованнаго міра. Не лучше ли же идти впередъ, чѣмъ отступать назадъ, и достигать новой, лучшей извѣстности образованіемъ вообще и военнымъ образованіемъ въ частности?

Но какъ должно быть составлено и направлено строевое образованіе казаковъ?

Это вопросъ. Это вопросъ жизненный, на столько же полный содержаніемъ, на сколько предложеніе: «нужно ли казакамъ строевое образованіе?» мертво и пусто. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, можно расхотиться въ мнѣніяхъ, можно требовать или слишкомъ много, или слишкомъ мало; но все же это будетъ значить—говорить о предметѣ живомъ, высказывать понятную мысль, которая, въ свою очередь, вызоветъ другую мысль, потому что есть содержаніе въ предметѣ мысли. Истина рѣдко встрѣчается въ крайностяхъ: она избираетъ средніе пути. А потому, рѣшившись высказаться о предметѣ, близкомъ казацкому сердцу, я, по крайней мѣрѣ, буду держать себя подальше отъ той или другой крайности — не стану утверждать, что для казаковъ достаточно одного развитія въ одиночку, или что они должны быть подведены подъ общій строевой уставъ. Но, какъ бы я ни держался «золотой середины», все-таки не позволю себѣ быть увѣреннымъ, что эта именно дорога приведетъ къ окончательному рѣшенію вопроса. Нѣтъ, вопросъ слишкомъ сложенъ и слишкомъ новъ, чтобы нѣсколько личныхъ убѣжденій, нѣсколько частной опытности могли его исчерпать. И я былъ бы очень обрадованъ, еслибъ мои замѣчанія вызвали другія замѣчанія, хотя бы и не согласныя съ моими. Вызовъ къ такой подачѣ голосовъ — вотъ, признаться, цѣль, съ которою беру иногда перо въ руку, намозоленную рукоятью меча. Мы разбросаны во всю восточную ширину русскаго царства, но наша улица тѣсна и наши взгляды поэтому часто узки, односторонни. Мы слишкомъ еще близки къ нашему прошедшему, къ нашему историческому дѣтству, и въ насъ еще много пристрастія къ нашему родному казацкому. Время и исторія увлекаютъ насъ впередъ, потому что мы живемъ общей жизнью съ русскою арміей и съ

русскимъ народомъ — нужды нѣтъ, что отдѣлены отъ нихъ сословной межей. Образование, развитіе просвѣтляютъ взглядъ челоуѣка на то, что его близко окружаетъ, и даютъ ему видѣть недостатки даже въ своемъ родномъ, даже въ своемъ казачкомъ. Тогда ему остается отказаться отъ того, что сдѣлалось уже недостаткомъ, ветошью, изъ чего онъ уже выросъ, и принять то, что ново и ему современно, потому что новое и современное свѣжо и сильно. А если онъ будетъ пристрастно и безъ разбора держаться своей старины, своей старинной простоты, то о немъ могутъ сказать: «не простота ли причиною, что званіе казака, столь гордо носимое его предками, бросается ихъ потомкамъ иногда въ видѣ насмѣшки?...» (*)

Но какъ же должно быть составлено и направлено строевое образованіе казаковъ?

Строевое образованіе казаковъ (конныхъ), въ главныхъ чертахъ, должно быть сходно съ строевымъ образованіемъ легкой кавалеріи вообще; но оно должно имѣть свои значительныя особенности. Сходно—потому, что казачьи конные полки построены такъ же, какъ и полки легкой регулярной кавалеріи; а имѣть особенности—потому, что казачьи полки, имѣя одинаковый складъ съ полками регулярными въ одяѣхъ только общихъ чертахъ, рѣзко отличаются отъ нихъ во многихъ частностяхъ.

Во первыхъ, казачьи полки наполняются всадниками не по выбору, не по разсмотрѣнію большей или меньшей способности челоуѣка къ кавалерійской службѣ, а поголовно изъ всего мужескаго населенія страны. Даже въ тѣхъ войскахъ, гдѣ есть пѣхота, не личныя способности рѣшаютъ выборъ между конницей и пѣхотой, а имущественный достатокъ: въ состояніи челоуѣкъ справиться коня — иди въ конницу, а не въ состояніи — маршъ въ пѣхоту, подъ штыкъ, хотя бы и обладалъ Богъ знаетъ какими способностями для кавалерійской службы. При такомъ способѣ наполненія полковъ людьми, неестественно было бы допустить, чтобы все попавшее въ эти полки было одинаково способно для кавалерійской службы.

Во вторыхъ, казачьи полки снабжаются лошадьми не посредствомъ ремонта, опредѣляющаго извѣстную цѣнность, из-

(*) *Нѣсколько словъ о донскихъ казакахъ и ихъ образованіи.* «Русскій Инвалидъ» 1860 г., № 77. Статья, въ которой есть много правды, благородно высказанной. Нельзя не порадоваться, если авторъ ея казакъ, а должно быть не москаль. (NB. Рыбакъ рыбака видитъ издадека.)

вѣстную мѣру и доброкачественность коня, а каждымъ всадникомъ порознь, сообразно съ его имущественнымъ достаткомъ. При такомъ способѣ наполненія полковъ лошадьми, не удобно было бы допустить, чтобы всѣ лошади были одинаково годны для кавалерійской службы и даже равны для внѣшней чистоты строя.

Въ третьихъ, всадникъ казачьяго полка не имѣетъ такой строгой власти надъ конемъ, какая дана всаднику регулярному: онъ не имѣетъ ни мундштука, ни шпоры. Конь казачій выѣзживается не по правиламъ науки, а по личному произволу и разумѣнію ѣздока, нисколько не знакомаго съ теоріей ѣзды. Простота выѣздки и меньшая строгость управленія оставляютъ казачьему коню больше физической крѣпости для перенесенія походныхъ невзгодъ и больше свободы въ движеніяхъ одиночныхъ, но за то дѣлаютъ его менѣе способнымъ къ точному и чистому выполненію совокупныхъ движеній въ строю.

Въ четвертыхъ, для казака нѣтъ переходнаго состоянія между сельскимъ бытомъ и военной службой, нѣтъ рекрутской школы и, потомъ, нѣтъ ни казарменнаго, ни квартирнаго времени для ученевъ. Для него—или безоружный трудъ въ домашнемъ быту, или дѣйствительный нарядъ въ быту служебномъ, — середины нѣтъ. Въ мирное время, когда регулярныя войска заняты ученіями, казачьи полки заняты дѣятельнымъ отправленіемъ службы на линіяхъ и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Слѣдственно, казакамъ дано мало удобствъ и досуга для строеваго обученія.

Въ пятыхъ, военная наша служба, если позволено такъ выразиться, дѣлится на *отловую* и *розничную*, и первая принадлежитъ регулярнымъ войскамъ, а послѣдняя—казакамъ. Поэтому казачьи полки служатъ большею частію въ разбивку и въ растяжку, но рѣдко въ сосредоточенныхъ составахъ. Такой образъ службы не покровительствуетъ строевому обученію большими частями, какъ, напримѣръ, цѣлымъ полкомъ.

Наконецъ, въ шестыхъ, казачьи полки не служатъ постоянно, а, по прослуженіи извѣстнаго срока, обращаются на льготу и изъ военной силы превращаются въ безоружную рабочую силу. Въ льготное время, никакихъ сборовъ для строевыхъ занятій не положено. Въ самомъ большемъ и въ нѣкоторыхъ меньшихъ казачьихъ войскахъ, полки не сохраняютъ даже своихъ личныхъ составовъ, а послѣ каждой прослуженной очереди разрушаются, такъ что, при новомъ выступленіи на службу, что

было въ одномъ полку, попадаетъ въ другой. Возвращеніе на льготу и разложеніе личныхъ составовъ также не могутъ покровительствовать строевому образованію полковъ.

Изъ всѣхъ шести изложенныхъ пунктовъ вытекаетъ одно заключеніе, что строевое образованіе казачьей конницы должно быть несравненно проще, чѣмъ образованіе регулярной кавалеріи. Это не значитъ, однакожъ, что для казаковъ необходимо создать свой особенный уставъ, совсѣмъ не похожій на общій уставъ кавалерійскій. Создавать это такъ же не удобно, какъ создавать особенную геометрію, особенную алгебру. Основные законы строя такъ же общи и непреложны, какъ и основныя истины математики. Но сказанное выше значитъ только, что казачій уставъ долженъ быть гораздо короче общаго, что въ него должны входить одни главныя построенія, потому что они самыя простыя. При внимательномъ разсмотрѣніи кавалерійскаго устава, можно различить главныя вѣтви и потомъ дальнѣйшія развѣтвленія стъ нихъ; эти развѣтвленія особенно сложны и искусственны, слѣдственно и менѣе доступны для конницы, которой не дано ни досуга, ни совокупнаго расположенія для ученьевъ.

Въ 1849 году, былъ изданъ для казаковъ частный уставъ (*), который былъ частнымъ потому только, что эскадронъ назывался сотнею, а поручикъ — сотникомъ; на самомъ же дѣлѣ это былъ тотъ же общій кавалерійскій уставъ. Отмѣны были въ немъ допущены самыя незначительныя. Даже редакція оставалась при немъ та же — темная, неодолимая для людей, не посвященныхъ въ дѣло путемъ практики. Каждый казачій офицеръ обязанъ былъ имѣть тотъ уставъ, и каждый его имѣлъ; но никто его не зналъ и рѣдко кто видѣлъ приложение его къ дѣлу. Это оттого, что не было сдѣлано справедливыхъ уступокъ особенно стямъ казачьей службы и казачьяго склада, что больше требовалось, нежели сколько было дѣйствительной возможности выполнить. Требованіе, превышающее мѣру исполненія, производило и здѣсь, какъ вездѣ, обратное дѣйствіе: предъ невозможностію исполнить все, падала добрая воля исполнить и что ни будь. Не лучше ли же быть обязаннымъ исполнить немного, но исполнить на самомъ дѣлѣ, чѣмъ быть обязаннымъ исполнить

(* *Правила для состава построеній и движеній въ войскахъ казачьихъ, 25 апрѣля 1849 года.*

Съ такой же ясностію, какъ это заглавіе, былъ изложенъ и весь уставъ.

слишкомъ много и не взятыя ни за что и махнуть рукой, по русской привычкѣ?

Выходитъ, что уставъ казачій долженъ быть извлеченіемъ изъ устава общаго; иначе говоря, общій кавалерійскій уставъ долженъ быть сокращенъ для казаковъ. Какъ же сдѣлать это сокращеніе? Въ какихъ частяхъ отбросить больше, въ какихъ меньше? Всѣ колеса машины такъ соединены и такъ одно къ другому пристроены, что, выдернувъ нижнее, остановишь дѣйствіе многихъ верхнихъ. По нашему мнѣнію, нижнихъ колесъ именно не нужно много выбрасывать; лучше дѣлать это съ верхними. Сокращеніе должно идти отъ основанія къ вершинѣ, въ возрастающемъ размѣрѣ. Рекрутская школа (не включая сюда вовсе вѣду) будетъ сокращена мало, эскадронное ученье—больше, полковое—еще больше, а дивизіонное и совсѣмъ оставлено. Такъ должно идти сокращеніе, во первыхъ, потому, что одиночное развитіе не только не меньше, а, напротивъ, еще больше необходимо для казака, чѣмъ для регулярнаго кавалериста, и, во вторыхъ, что, какъ бы ни ограничивали объемъ строеваго образованія, все-таки основной механизмъ, азбука строя должны быть изучены безъ большихъ пропусковъ. Знать азбуку одинаково необходимо какъ для того, чтобы разобрать записку сотеннаго наряда на завтрашній день, такъ и для того, чтобы прочитать диспозицію сто-тысячной арміи для генеральнаго боя. Что же относится до сокращенія эскадроннаго и полковаго ученьевъ, то опять-таки скажемъ, что казакамъ принадлежитъ не *оптовая*, а *розничная* служба, что они не часто бываютъ въ полномъ составѣ полковъ и даже сотенъ и что поэтому мало имѣютъ возможности и надобности прилагать къ дѣлу большія ученья. Напротивъ того, учиться малыми частями они имѣютъ возможность и тогда, когда бываютъ разбиты по постамъ и для другихъ отдѣльныхъ назначеній. Притомъ же, если люди будутъ знать основательно склады строя—до взвода, то, при соединеніи ихъ въ сотню, легко уже будетъ дѣлать съ ними сотенное, а при соединеніи полка—и полковое ученье.

Тѣ части эскадроннаго и полковаго ученьевъ, гдѣ говорится о разсыпномъ строѣ, какъ, на примѣръ: *атака разсыпнымъ строемъ и навздничество* (*), должны перейти вполнѣ или съ самыми незначительнѣйшими измѣненіями въ казачій уставъ,

(*) Эскадр. Учен. Отд. I гл. XII, ст. 3 и весь отдѣлъ III.

потому что прямо соотвѣтствуютъ главному назначенію казачей конницы и вполне идутъ къ вольной казачей ѣздѣ.

Выше сказано, что въ казачій уставъ должны войти одни главныя построения, какъ болѣе простыя. Мы разумѣемъ подъ этимъ построения, дѣлаемые по прямой линіи впередъ. Прямыя линіи должны составлять характеристику казачьяго устава. Все ломаное должно быть избѣгнуто, по крайней возможности. Тогда только и будетъ простой уставъ. Держась этого правила, можно даже отбросить и такія построения ломаными линіями, которыя составляютъ самый легкій вариантъ построения прямо впередъ. Напримѣръ: если мы умѣемъ развернуть фронтъ сотни изъ взводной колонны прямо впередъ, то не требуйте, чтобъ мы изъ той же колонны непосредственно построили фронтъ направо или налево, по общимъ правиламъ. Скажете: это очень просто. Конечно, не слишкомъ мудрено, только не для насъ: тутъ надобно сдѣлать четыре полукруга да угадать четыре точки, гдѣ именно начать заѣздъ плечемъ каждаго взвода, чтобъ вышелъ фронтъ безъ прорѣхъ. Для этого нужна большая практика; а у насъ ея очень скудно. Мы построимъ фронтъ направо или налево посвоему, а именно: умѣя развертываться только впередъ, мы и развернемся этимъ, намъ извѣстнымъ, способомъ, а потомъ уже заѣдемъ плечемъ цѣлой сотни направо или налево. — Да вѣдь этакъ вы, односумы, потратите больше времени. — Нисколько: при свойственной намъ однимъ подвижности, мы сдѣлаемъ это очень проворно и, смѣемъ увѣрить, не позже, какъ вы, съ проѣздомъ и заѣдомъ каждаго взвода. — Но все же вы не избѣгнете полукруговой линіи. — Конечно; но мы сдѣлаемъ ее только одну, общими силами, а не четыре, порознь каждый взводъ, и хотя заѣдемъ, можетъ быть, не слишкомъ красиво, съ волненіемъ, однако, живо, въ данное время, и цѣль, все равно, будетъ достигнута. Между тѣмъ, мы ничего не потеряемъ изъ нашихъ прямолинейныхъ правъ, и если эти права всегда будутъ соблюдаться въ отношеніи къ намъ, то мы, дѣйствительно, будемъ знать строй, въ томъ смыслѣ, что, при каждомъ перестроеніи и движеніи, каждый человекъ будетъ знать свое мѣсто и направленіе. Ни въ какомъ случаѣ мы не превратимся въ кучу, которую трудно сдвинуть съ мѣста; а этого для насъ и за глаза довольно. Довольно, слѣдственно, и для того, чтобы отдалить на задній планъ, давно минувшей старины, событія, въ родѣ слѣдующаго: пріѣхалъ я, во время зимнихъ квартиръ —

разсказывалъ начальникъ одного кавалерійскаго отряда — пріѣхалъ смотрѣть казачій полкъ, въ полномъ шести-сотенномъ составѣ, съ офицерами, трубачами и прочимъ. Полкъ былъ построень развернутымъ фронтомъ и стоялъ очень правильно. Видъ людей, одежда, вооруженіе, лошади,— все было отлично. Обѣхавъ всѣ сотни, я спросилъ войсковаго старшину, командовавшаго полкомъ: «можно ли тронуть вашъ полкъ?» «Прямо, ничего — отвѣчалъ онъ — а если иначе, то и этого ужъ послѣ не выйдетъ....»

Въ видахъ упрощенія и ограниченія казачьяго устава, можно бы отбросить:

Изъ эскадроннаго ученя:

Гл. III — о линейныхъ унтеръ-офицерахъ.

Гл. IV — правила послѣдовательнаго равненія.

Гл. VII— многія подробности о заѣздахъ на твердой и подвижной оси.

Дивизионное ученье — все.

Изъ полковаго ученя:

Гл. IV — о равненіи полка впередъ на линію.

Гл. VII— о построеніи полка подивизионно въ колонны изъ середины.

Гл. VIII — о движеніяхъ полка, построеннаго въ нѣскольکو колоннъ. О перемѣнѣ направленія сомкнутой колонны.

О размыканіи и смыканіи можно бы сказать короче.

Гл. IX— о построеніи полка фронтомъ изъ нѣсколькихъ колоннъ, имѣющихъ головы на одной высотѣ.

Гл. X — о перемѣнѣ фронта.

Гл. XI— объ отступленіи въ двѣ линіи.

Гл. XII — Объ уступахъ.

Недостатокъ точныхъ и кратчайшихъ построений по линіямъ ломанымъ казаки могутъ пополнить, въ необходимыхъ случаяхъ, заѣздами цѣлаго фронта, превращеніемъ фронта въ колонну по шести, посредствомъ поворота направо или налево, и, потомъ, движеніемъ въ этомъ видѣ, пока опять нужно будетъ повернуться во фронтъ, и, вообще, они будутъ достигать извѣстныхъ перестроеній путями, менѣе короткими, но болѣе простыми, а длину путей, какъ уже замѣчено выше, съумѣютъ вознаграждать живостію и подвижностію, имъ свойственными.

Построенія дробныя, до взвода и обратно, какъ особенно необходимыя въ походной практикѣ и какъ, притомъ, состав-

ляющія основаніе большихъ построеній, должны быть приняты изъ эскадроннаго ученія всѣ, за исключеніемъ одного только вытягиванія рядами (по два) и дальнѣйшихъ перестроеній изъ рядовъ по три, по шести и обратно. Перестроенія эти сопряжены съ значительной ломкой и требуютъ твердаго навыка къ строю отъ каждаго рядоваго, чѣмъ казаки никогда не будутъ въ состояніи похвалиться. Между тѣмъ, умѣя строиться по одному, по три, по шести и обратно, они, въ походной практикѣ, всегда съумѣютъ обойтись безъ труднаго для нихъ вытягиванія рядами. Замѣчательно, что это же самое построеніе не было введено и въ старый казачій уставъ 1849 года, который былъ, можно сказать, спискомъ съ общаго кавалерійскаго устава того времени.

Въ правилахъ *о наѣздничествѣ*, можно бы допустить для казаковъ слѣдующее упрощеніе: вмѣсто того, чтобы изъ задней шеренги каждаго взвода нѣсколько человекъ, заранѣе приготовленныхъ, выдвигались назадъ посредствомъ осаживанія лошадей и потомъ выскакивали изъ-за фланговъ сотни напередъ, могла бы просто выѣзжать впередъ какая нибудь часть — взводъ, два или вся сотня, и половина людей разсыпалась бы въ цѣпь, а другая держалась бы въ резервѣ. Это потому, что казаки — всѣ наѣздники, всѣ имѣютъ одинаковое вооруженіе и одинаково развязную ѣзду. Разсыпаніе цѣпи наѣздниковъ, какъ въ самыхъ правилахъ объяснено, предполагаетъ кавалерійскую силу позади и имѣющій послѣдовать ударъ плотнымъ строемъ. Слѣдственно, казачья часть, выдвинутая напередъ, будетъ вся вообще имѣть значеніе наѣздническое. Но скажутъ: и изъ казаковъ есть преимущественно ловкіе наѣздники, — такъ ихъ-то бы и выслать первыхъ. Дѣйствительно, въ каждой казачей части есть особенно ловкіе люди — джигиты; ихъ знаетъ наперечетъ командиръ части, равно какъ и вся часть, и если бы потребовалось именно такихъ людей выслать, то командиръ ихъ вызоветъ просто, гдѣ бы они ни стояли, какъ это и дѣлается теперь. Но если бы непременно нужно было приложить правила о наѣздничествѣ вполне къ казакамъ, то людей, заранѣе назначенныхъ въ наѣздники, лучше ставить въ переднюю шеренгу, изъ которой прямо они и выѣзжали бы впередъ, а соотвѣтствующіе номера задней шеренги заступали бы ихъ мѣсто во фронтѣ. Черезъ это было бы избѣгнуто осаживаніе назадъ и обскакиваніе фланговъ. Осаживаніе на уздечкѣ и безъ шпоры затруднительно. При возвраще-

ни же наѣзтниковъ во фронтъ, они объѣдутъ фланги и, сзади фронта, войдутъ въ свои интервалы; для чего ихъ задніе нумера, ставшіе въ передней шеренгѣ, очистятъ имъ мѣсто и, объѣхавъ вслѣдъ за ними фланги, стануть въ свои прежнія мѣста.

Правила эскадроннаго ученя *объ атакѣ* сожкнутымъ строемъ такъ просты и, вмѣстѣ, такъ осмыслены въ изложеніи, что могутъ быть вполнѣ приняты казаками. Господствуетъ мнѣніе, что сожкнутая атака — не дѣло казаковъ. Это потому, вѣроятно, что у насъ много регулярной кавалеріи; въ самой же личности казаковъ, ихъ составѣ и снаряженіи нѣтъ ничего такого, что препятствовало бы имъ бить противника соединенной силой. Въ одномъ изъ казачествъ существуетъ даже пословица, что—«гуртомъ добре ѣ батька бить». Опытъ войны приводитъ иррегулярнѣйшихъ всадниковъ къ убѣжденію, что для хорошаго удара противъ какого бы то ни было рода войскъ, а противъ конницы въ особенности, нѣтъ ничего такъ дѣйствительнаго, какъ сожкнутая атака, съ храбрымъ человѣкомъ впереди. Закубанскіе Черкесы, которыхъ справедливо можно считать лучшею въ мірѣ иррегулярною конницею, инстинктивно понимаютъ это и, въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ нашей конницы, всегда сжимаются плотно. Ни уздечка, самая легкая, ни стремя, самое короткое, ни отсутствіе навыка къ строю не служатъ имъ, въ этомъ случаѣ, препятствіемъ. Сжавши центръ своей линіи, они оставляютъ свои фланги въ разсыпномъ видѣ, что очень полезно для нихъ, какъ при удачѣ, такъ и при неудачѣ. Но если уже для казаковъ долженъ оставаться обязательнымъ только разсыпной образъ дѣйствія, то нельзя не пожелать, чтобы они усвоили разсыпную атаку по правиламъ эскадроннаго ученя, а не иначе. Разсыпаніе по этимъ правиламъ дѣлается очень просто, безъ малѣйшей ложки, а въ дѣйствительномъ бою представляетъ ту выгоду, что каждый передній боецъ имѣетъ поддержку сзади, такъ же точно, какъ и въ наѣздничествѣ. Но не такъ это въ нашей старинной *лавѣ*, введенной въ уставъ 1849 года: здѣсь всѣ люди вытягиваются въ одну шеренгу, оставляя между собою промежутки; каждый человѣкъ оторванъ отъ товарищей и каждый чувствуетъ совершенное одиночество, какъ бы шелъ въ бой одинъ. Это не атака собирательной силой, а скорѣе—одиночный бой. Стариннымъ бойцамъ, изъ которыхъ каждый зналъ себя цѣну и былъ вполнѣ въ себѣ увѣренъ, это должно было нравиться, и очевидно, что это построеніе въ одну разомкнутую шерен-

гу (какъ и охотничья облава) должно было дѣлаться изъ кучи, такими всадниками, которые никогда не строились въ двѣ шеренги и понятія объ этомъ строѣ не имѣли. Но странно видѣть теперь, какъ правильный двухъ-шереножный строй разрушается, чтобъ превратиться въ одно-шереножную, безконечную и весьма жидкую лаву: здѣсь путаницы и ломки несравненно больше, чѣмъ при естественномъ разсыпаніи по эскадронному ученью. Лава сложилась въ малороссійской гетманщинѣ, еще задолго до Богдана Хмѣльницкаго, и противъ татарской неурядицы была надежнымъ строемъ; но теперь нельзя не сознаться, что восточная даже лава Курдовъ надежнѣе ея: та все-таки въ двѣ линіи—что-то въ родѣ шахматнаго порядка; задніе люди идутъ противъ интерваловъ первой линіи и, очевидно, сообщаютъ ей большую самостоятельность и самоувѣренность. Скажутъ, что лава хороша для преслѣдованія; но для преслѣдованія все хорошо. Правило: «чей конь сильнѣе!» самое лучшее для горячаго кавалерійскаго преслѣдованія. Совсѣмъ не то для атаки, особенно на конницу неробкаго десятка и не слишкомъ жидкую на расправу; казакамъ же наибольше предполагается встрѣчь съ конницей.

Знаю, что возстанутъ на меня, какъ на нарушителя вѣковаго спокойствія «лавы», обитатели береговъ, гдѣ хранится это наслѣдіе береговъ Днѣпра — колыбели казачества, а потому и не рѣшаюсь высказаться по этому предмету до конца. Необходимымъ считаю только прибавить, что если лава и можетъ еще употребляться въ наше время, то она должна быть предоставлена казакамъ, имѣющимъ пики. Казаки новѣйшіе, созданные кавказскою войною и не обремененные длиннымъ оружіемъ, предпочтутъ разсыпаться по эскадронному ученью, потому что строй лавы для короткаго оружія въ высшей степени невыгоденъ. Притомъ же, все боевое казачество, отъ устьевъ Терека до устьевъ Кубани, вовсе не знакомо съ лавою и не имѣло еще ни одного случая сожалѣть объ этомъ.

Въ казачьемъ уставѣ 1849 года, были преподаны правила для спѣшиванія и перестрѣлки въ пѣшемъ строю. Половинѣ людей назначено тѣми правилами спѣшиваться и идти въ стрѣлки, а другой половинѣ — оставаться въ сѣдлѣ, чтобъ держать лошадей и даже пики спѣшенныхъ людей.

Конные казачьи полки вообще имѣютъ ружья, а въ настоящее время въ нихъ вводится даже усовершенствованное нарѣзное оружіе — улучшение чрезвычайно полезное и общающее вы-

тѣснить пику, если вѣрное огнестрѣльное оружіе, дѣйствительно, пойдетъ на то, чтобъ оправдать свое названіе. Въ ожиданіи этого, нельзя не пожелать, чтобы казаки были наметаны къ ловкому спѣшиванію въ одиночку, въ самой даже конной перестрѣлкѣ, дабы нарѣзное оружіе въ ихъ рукахъ сдѣлалось весьма дѣйствительнымъ оружіемъ. Но, кромѣ этого, въ передовыхъ дѣйствіяхъ, казакамъ чаще, чѣмъ другой кавалеріи, встрѣчаются случаи, гдѣ цѣлая часть должна прибѣгнуть къ иѣшему дѣйствію, чтобъ овладѣть мѣстностію, трудно доступною для конницы, или задержать непріятеля передъ подобною мѣстностію, когда мы сами ею владѣемъ. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше спѣшится людей, тѣмъ лучше; а потому, вмѣсто половины, могли бы сходить съ коня двѣ трети людей. Въ каждомъ отдѣленіи, 1-е и 3-е нумера обѣихъ шеренгъ слѣзутъ, а 2-е останутся въ сѣдлѣ и примутъ лошадей. Одному человѣку не будетъ затруднительно держать двухъ лошадей,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ пикъ нѣтъ.

Для стрѣлковаго дѣйствія въ иѣшемъ строю нѣтъ надобности создавать особенныя правила. Для слѣзанія—общія правила, а для образованія цѣпи и резерва, равно какъ и для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій — правила о наѣздничествѣ, могутъ служить вполне удовлетворительно. Правила, данныя для коннаго дѣйствія, легко примѣнить къ иѣшему, потому что дѣйствіе, въ сущности, одно и то же.

Спѣшиваніе для перестрѣлки цѣпью имѣетъ характеръ болѣе или менѣе наступательный; но бываетъ спѣшиваніе чисто оборонительное, необходимость котораго можетъ явиться на всякой мѣстности, даже совершенно открытой и удобной для коннаго боя. Встрѣчаются случаи, когда конная казачья часть должна вся дружно спѣшиться, сбатовать коней и дѣйствовать ружейнымъ огнемъ, чтобъ не быть подавленной чрезмѣрно превосходной въ силахъ непріятельской конницей. Такого рода спѣшиваніе особенно употребительно у кавказскихъ казаковъ, у которыхъ все къ нему какъ нельзя лучше прилажено. Въ нѣкоторыхъ полкахъ оно доведено до такой степени совершенства, что самыя лошади ложатся и образуютъ изъ себя какъ бы заваль для стрѣлковъ. Боевымъ воспитаніемъ и лучшими подвигами своими кавказскіе казаки обязаны этому, въ высшей степени благородному, маневру,—благородному потому, что онъ удаляетъ всякую мысль о бѣгствѣ. Были примѣры, что и черномор-

скіе казаки употребляли этотъ же маневръ съ блестящимъ успѣхомъ, несмотря на ихъ длинное вооруженіе, почему уставъ казачій и долженъ дать мѣсто этому молодецкому маневру. Правила для него будутъ самыя коротенькія: сотня, строй полусотни, слѣзай, сведи фланги, сбатуй коней....

Этотъ видъ спѣшиванія можетъ быть названъ *оборонительнымъ*, а вышесказанный, уже давно водворившійся въ уставѣ — *стрѣлковымъ*, или *драгунскимъ*.

Мы не выдунываемъ отъ себя спѣшиванія оборонительнаго, не высказываемъ какой нибудь новой мысли; а только указываемъ на фактъ, выработанный самою боевою практикою казаковъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которые вооружены нарѣзными винтовками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не связаны пикей, будетъ совершенно удобно дѣлать оборонительное спѣшиваніе (какъ и опытъ показываетъ) въ виду самаго натиска непріятельской конницы; а потому этотъ родъ дѣйствія, какъ выраженіе высшаго удалства, и будетъ употребляться преимущественно казаками, вооруженными короче.

Наконецъ, казачій уставъ былъ бы не полонъ, если бы ограничился одной только строевой регламентаціей. Въ предѣлы его должны войти еще правила аванпостной и вообще передовой службы при дѣйствующихъ силахъ, — службы, составляющей прямое призваніе казаковъ. Справедливо, что правила эти не имѣютъ мѣста въ общемъ кавалерійскомъ уставѣ; но, тѣмъ не менѣе, они помѣщены въ самомъ положеніи о донскомъ войскѣ, съ котораго взяты и другія казачьи положенія. Если уже признано было полезнымъ помѣстить ихъ въ общемъ кодексѣ о краѣ и сословіи, то было бы еще полезнѣе дать имъ мѣсто въ отдѣльномъ служебномъ уставѣ: здѣсь они будутъ постоянно на виду офицеровъ и другихъ чиновъ. При выступленіи на службу, уставъ кладется въ сумы, а войсковое положеніе остается дома. Не споримъ, что каждый офицеръ обязанъ знакомиться съ общимъ уставомъ *о полевой службѣ*, но нехудо, если офицеръ и урядникъ и даже грамотный казакъ найдутъ въ своемъ частномъ уставѣ нѣсколько главнѣйшихъ правилъ и необходимѣйшихъ указаній для отправленія сторожевой службы въ полѣ и для выполненія отдѣльныхъ передовыхъ дѣйствій, какъ-то: разъѣздовъ, поисковъ, засадъ, нападеній на непріятельскія сообщенія, и. т. п.

Въ эскадронномъ и полковомъ ученяхъ общаго кавалерій-

скаго устава, между правилами собственно строеваго обученія помѣщены правила, такъ сказать, обрядовыя: для смотра, для встрѣчи начальника, привоза и отвоза штандартовъ, церемоніальнаго марша, и т. п. Правила эти, не подлежащія разнообразію ни въ какомъ родѣ войскъ, должны войти въ казачій уставъ въ общемъ ихъ видѣ. Но, для большей ясности и для наглядной послѣдовательности въ изложеніи собственно правилъ строеваго обученія, они могли бы быть отдѣлены отъ этихъ послѣднихъ и изложены особо, послѣ полковаго ученя. Черезъ это нисколько не уменьшится ихъ обязательное значеніе, а только внѣшняя сторона устава выиграетъ.

Такимъ образомъ, казачій уставъ могъ бы быть изложенъ въ четырехъ частяхъ:

Первая часть будетъ *приготовительная*, соответствующая рекрутской школѣ общаго устава. Въ нее войдутъ: истолкованіе элементовъ строя и техническихъ терминовъ; складъ рядовъ и отдѣленій; повороты одиночные и отдѣленіями; движенія по разнымъ направленіямъ; командная номенклатура; фланкировка пикой, рубка шашкой, стрѣльба; общія правила военнаго этикета и чиновочитанія, какъ во фронтѣ, такъ и внѣ его.

Вторая часть, *строевая*, будетъ заключать въ себѣ сотенное и полковое ученя, съ присовокупленіемъ правилъ для спѣшванія.

Въ третью часть, *смотровую*, войдутъ правила для встрѣчи начальника, привоза и отвоза знаменъ, церемоніальнаго марша, и т. п.

Въ четвертую, *полевую*— правила аванпостной службы и отдѣльныхъ передовыхъ дѣйствій въ полѣ.

Расположивъ такимъ образомъ проектъ устава, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ его изложеніи.

Охотно слушаютъ человѣка, говорящаго ясно и складно, и, наоборотъ, не любятъ слушать рѣчь вялую и темную, и ничего отъ такой рѣчи не остается въ памяти. Особенно должно говорить хорошо, когда берутся научить и наставить. Мало того, чтобъ васъ слушали по необходимости, по обязанности: надобно еще, чтобъ сама рѣчь ваша возбуждала и приковывала вниманіе. Такой рѣчи мы желаемъ отъ нашего казацкаго устава. Особенно ясно и понятно, даже популярно, должны быть изложены первая и послѣдняя его части. Онѣ должны быть изданы отдѣльными книжечками,—и если онѣ будутъ выражаться языкомъ умнаго че-

ловѣка, то сдѣлаются ручными книжками офицеровъ, урядниковъ и даже казаковъ, между которыми всегда есть грамотные люди. Надобно, чтобъ онѣ сдѣлались ручными. Не забудемъ, что казаки рѣдко имѣютъ возможность обучаться подъ руководствомъ офицеровъ, что казачья сотня имѣетъ только трехъ офицеровъ, считая здѣсь и командира сотни (такъ что средними взводами командуютъ урядники) и что, наконецъ, большинство, весьма значительное большинство, казачьихъ офицеровъ сами нуждаются въ простѣйшихъ наставленіяхъ для строевой практики. Въ этихъ—то видахъ и желательно, чтобы книга говорила живой разумной рѣчью, такъ, чтобы человѣкъ, вовсе не знакомый съ строевой практикой, но безобидно надѣленный русскимъ смысломъ, самъ прикинулъ къ дѣлу да и выполнилъ на самомъ дѣлѣ то, что прочиталъ въ книгѣ.

Но вѣдь насъ, признаться, не такъ легко заманить къ чтенію какой бы то ни было книги (за исключеніемъ иногда божественныхъ); а потому позволительно употребить здѣсь маленькую хитрость: первую часть, составляющую ключъ къ уставу, изложить въ вопросахъ и отвѣтахъ. Такое изложеніе оживитъ сухую букву и будетъ способно затронуть самую равнодушную любознательность. Вопросъ—это натрава на удочкѣ: прочиталъ вопросъ, значитъ схватилъ крючокъ, и нѣтъ возможности съ него сорваться, пока не прочитаешь отвѣта. У насъ малолѣтокъ *Горобецъ* три раза переплылъ Кубань, противъ Чернолѣски, чтобъ пластунъ *Шпакъ* открылъ ему разгадку загадки, сказанной ночью, отъ скуки, на залогѣ. Между загадкой и вопросомъ, поставленнымъ ловко, разница небольшая. Итакъ, попробуемъ своихъ силъ, возьмемся представить образчикъ желаемого нами, понятнаго изложенія приготовительной части нашего будущаго устава.

Вопросъ. Что такое рядъ?

Отвѣтъ. Два человѣка, одинъ въ передней, а другой за нимъ въ задней шеренгѣ, называются: рядъ. Такъ какъ строй состоитъ изъ двухъ шеренгъ, то и счетъ людей въ строю всегда дѣлается рядами, то есть считая двухъ человѣкъ — передняго и задняго, какъ бы за одного человѣка. Когда говорятъ: «двѣнадцать рядовъ во взводѣ», или «пятнадцать рядовъ во взводѣ», это значитъ, что взводъ состоитъ изъ 24 или 30 человѣкъ рядовыхъ казаковъ. Урядники, приказные и трубачи въ счетъ рядовъ не входятъ, потому—то ихъ и не называютъ рядовыми.

Вопросъ. А что такое отдѣленіе?

Отвѣтъ. Отдѣленіе — наиважнѣйшее дѣло въ строю, и надобно хорошо замѣтить, что такое отдѣленіе. А оно вотъ что: каждые три человѣка въ передней и другіе три за ними въ задней шеренгѣ, сказать иначе: каждые три ряда въ строю, составляютъ отдѣленіе. Важно же оно вотъ почему: цѣлые три ряда, то есть три человѣка переднихъ и еще три за ними заднихъ, представляютъ изъ себя какъ бы одного человѣка, и куда бы ни скомандовано было фронту повернуться — направо, налево либо кругомъ, назадъ, ворочаться должны отдѣленія какъ одинъ человѣкъ, а не каждый человѣкъ самъ по себѣ. Каждый рядъ въ отдѣленіи имѣетъ номеръ: первый, второй, третій — какъ вы стоите во фронтѣ, по порядку, а порядокъ всегда идетъ отъ правой руки на лѣвую. У каждыхъ двухъ человѣкъ въ ряду номеръ одинъ и тотъ же: первый вы рядъ, такъ вы оба — первый номеръ; второй вы рядъ, такъ оба — второй номеръ, а третій, такъ оба третій номеръ: вѣдь ужъ сказано было, что два человѣка въ ряду составляютъ какъ бы одного человѣка. Каждому свой номеръ въ отдѣленіи надобно помнить твердо. Кромѣ того, первый номеръ не долженъ забывать, что онъ правое плечо отдѣленія, а третій — что онъ лѣвое, второй же — между ними. Скомандовано, на примѣръ, цѣлому фронту налево, каждое отдѣленіе должно, значить, заѣхать правымъ плечемъ. Вотъ ты, первый номеръ, и заѣжай, а ты, третій, поворачивай коня на мѣстѣ; второй же, что въ серединѣ, соображайся съ первымъ — заѣжай, куда онъ заѣзжаетъ, только потише его: тебѣ вѣдь меньшій приходится сдѣлать кругъ, чѣмъ ему. Это налево; а когда скомандуютъ направо, такъ ужъ ты, третій номеръ, заѣзжать будешь, а первый на мѣстѣ ворочаться будетъ потихоньку, на тебя глядя: вѣдь ужъ тутъ лѣвое плечо заносить надо, — дѣло понятное.

Вопросъ. Что называется флангомъ? что правый и что лѣвый флангъ?

Отвѣтъ. Концы, или, иначе, бока фронта, то есть одинъ конецъ, гдѣ фронтъ начинается, и другой, гдѣ онъ кончается, называются флангами. Правый конецъ, гдѣ, значить, стоитъ первое отдѣленіе, называется правымъ флангомъ, а лѣвый конецъ, гдѣ стоитъ послѣднее отдѣленіе — лѣвымъ флангомъ. Эти названія такъ ужъ за флангами и остаются, хотя бы фронтъ повернулся назадъ и чрезъ то правый его конецъ или флангъ вышелъ

налѣво, а лѣвый направо, — все равно, какъ у человѣка, когда онъ стоитъ къ тебѣ правымъ бокомъ и обернется назадъ, правую руку не назовешь ты лѣвою, хотя онъ и станетъ къ тебѣ лѣвымъ бокомъ.

Слово флангъ употребляется не только въ большомъ фронтѣ, но и во взводѣ и даже въ отдѣленіи: первый номеръ отдѣленія называется право-фланговымъ, а третій — лѣво-фланговымъ человекомъ такой-то шеренги, такого-то отдѣленія.

Вопросъ. Что называется въ уставѣ кругъ? Для чего этотъ кругъ придуманъ и на какія части онъ дѣлится?

Отвѣтъ. Стоя на конѣ лицомъ въ какую нибудь сторону и обернувшись на мѣстѣ около себя кругомъ, такъ, чтобы опять стать лицомъ въ ту же сторону, куда стоялъ прежде, ты сдѣлаешь этимъ круговымъ оборотомъ цѣлый кругъ. Ворочаться на цѣлый кругъ не для чего, потому что изъ этого ничего больше не выйдетъ, какъ только то, что опять станешь туда же лицомъ, куда стоялъ; но на различныя части круга мы ворочаемся то и дѣло, хотя и не замѣчаемъ вовсе, что этими поворотами мы дѣлаемъ различныя части круга. Что значитъ, на примѣръ, когда ты повернулся направо либо налѣво? Значитъ, что ты сдѣлалъ четверть круга, потому что еслибъ ты еще три раза повернулся столько же, все въ одну сторону, то вышелъ бы полный кругъ и ты стоялъ бы опять въ ту же сторону лицомъ, откуда началъ ворочаться. А что значитъ еще, на примѣръ, когда ты обернулся назадъ? Значитъ, что ты сдѣлалъ половину круга: повернись еще разъ такъ, вотъ тебѣ и выйдетъ кругъ. Видное дѣло, что половина круга значитъ поворотъ назадъ; четверть круга значитъ поворотъ направо или налѣво, а одна восьмая круга значитъ полъ-оборота направо либо налѣво. Вотъ на эти-то самыя части: на половину, на четверть и на восьмую часть и дѣлится кавалерійскій кругъ. Придуманъ же онъ не для чего больше, какъ только для повѣрки поворотовъ, чтобы каждый человекъ ворочался вѣрно направо, налѣво или иначе; а не то, что одинъ не повернулся, а другой перевернулся.

Различныя части круга въ самой командѣ никогда не называются. Не командуются, на примѣръ: полъ-круга, четверть круга, восьмая круга, а командуются всегда: направо или налѣво, полъ-оборота направо или налѣво, и направо или налѣво кругомъ. Части же круга должно про себя разумѣть

.

Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ это слишкомъ простымъ и слишкомъ ужь подробнымъ. Но какая же цѣль элементарныхъ объясненій строевой науки? Та, конечно, чтобъ ихъ понимали самые простые люди, потому что люди болѣе развитые не имѣютъ въ нихъ нужды. Въ защиту же подробности можно сказать, что чѣмъ подробнѣе будетъ часть приговорительная, тѣмъ короче будутъ послѣдующія части.

— Но согласитесь, что уставъ составляется болѣе для тѣхъ, кто долженъ учить, чѣмъ для тѣхъ, кто долженъ учиться.

Мы не можемъ съ этимъ согласиться, потому что мы всё находимся въ положеніи тѣхъ, кто долженъ учиться; мы отдѣлены сословной межей — никто къ намъ и мы ни къ кому; никто со стороны не придетъ насъ учить и дѣлиться съ нами своею опытностію. Намъ не даются дядьки, и самого слова рекрутъ у насъ не имѣется. Нужно ли повторять сказанное выше, что для казака нѣтъ переходнаго состоянія между сельскимъ бытомъ и дѣйствительной службой. Можетъ быть, будетъ оно когда нибудь, но теперь нѣтъ. Такъ вотъ и нужна намъ строевая азбука въ такомъ родѣ, чтобы не только приказный на посту, въ свободный отъ наряда часъ, но и малолѣтокъ на завалинкѣ своей избы, въ праздничный день, могли ее читать.

Если нашъ уставъ, хотя въ главнѣйшихъ частяхъ, будетъ изложенъ такъ, что самыя геометрическія линіи будутъ говорить, и говорить понятно для наименѣе развитаго разумнія, то онъ, дѣйствительно, сдѣлается ручной книгой и мало по малу перейдетъ изъ буквы въ дѣло. Въ противномъ случаѣ — нѣтъ. За чѣмъ нѣтъ? за тѣмъ, что не при насъ писано.

Если снаряженіе, ѣзда и образъ службы, отправляемой въ разбивку и перемежающейся льготами, требуютъ, чтобы уставъ казачій былъ простъ и кратокъ, сколько возможно, то тѣ же причины заставляютъ желать, чтобы и самое обученіе по уставу было просто, чтобы оно ограничивалось одною сущностію дѣла и не стремилось къ излишней регуляризаціи того, что на самомъ дѣлѣ иррегулярно. Если каждый человекъ въ строю будетъ знать свое мѣсто и направленіе, при такомъ или другомъ движеніи, если казачья часть будетъ уметь разсыпаться и сомкнуться, развернуть фронтъ и свернуть колонну, и все это будетъ дѣлаться въ порядкѣ, безъ замѣшательства, живо, бойко, хотя бы безъ щегольства и строгаго однообразія, то цѣль уже достигнута. Требовать свыше этого, требовать безукоризненной вышней

точности и такъ называемой «чистоты строя» значило бы требовать больше, чѣмъ сколько дано средствъ. Лучшее, говорятъ, врагъ хорошаго. Это именно должно сказать про нашъ строй.

Не незабываемой твердостью линій, а лихостью и летучестью волнующихся рядовъ долженъ шеголять нашъ строй. Бывшій атаманъ кавказскаго линейнаго войска, князь Э*, дѣлая смотры полкамъ, прежде всего пропускалъ мимо себя справа по одному, въ карьеръ, и строго слѣдилъ, какъ на этомъ аллюрѣ всадникъ держитъ себя и дѣйствуетъ ружьемъ и шашкой, какъ наскakanъ и вытянуть конь — летитъ ли онъ плавно соколомъ и прямо по линіи, въ которую ринуть, или дѣлаетъ тупые и извилистые скачки, какъ испуганная охотникомъ коза. Сюда относились самыя строгія замѣчанія атамана, а потомъ, когда уже проходили взводныя и полусотенныя колонны, съ зубчатымъ фронтомъ, слышались одни снисходительныя «спасибо»... Кавказское войско имѣетъ наилучшее строевое направленіе, а боевое его воспитаніе слишкомъ хорошо извѣстно. Замѣчательно, что то и другое дано ему людьми, которые служили въ регулярной кавалеріи, но не перенесли на казачью почву вѣшнихъ требованій шегольскаго кавалерійскаго строя...

Личность казака не должна быть поглощена фронтомъ. Чѣмъ больше будетъ сохранена эта личность, тѣмъ меньше потеряетъ боевая служба. Въ военное время, многое отдается казаку на совѣсть и на его личную распорядительность, много выпадаетъ на его долю случаевъ, гдѣ онъ долженъ слѣлатъ дѣло безъ командованія и контроля. Для добросовѣстнаго поведенія, въ подобныхъ случаяхъ, должна быть сбережена личность человѣка. Армейскіе офицеры, которымъ случалось командовать казаками, замѣчали, что казакъ самолюбивѣе солдата. Это, дѣйствительно, такъ, и, сберегая личность, прежде всего не нужно подавлять чувство, потому что, въ примѣненіи къ долгу и подвигу, оно благородно. Ошибаются тѣ, которые считаютъ казаковъ войскомъ, слабо дисциплинированнымъ или мало расположеннымъ къ дисциплинѣ, потому только, что это войско иррегулярное. Нынѣшній казакъ не тотъ, который нѣкогда росъ въ степи, внѣ гражданскаго общества или въ обществѣ съ слабыми гражданскими связями: нынѣшній казакъ развивается въ обществѣ не только гражданскомъ, но и въ военномъ вмѣстѣ, подъ вліяніемъ военной іерархіи, болѣе внушающей, чѣмъ всякая другая. Станичный и семейный бытъ казака устроенъ такъ, что съ самаго

ранняго возраста онъ пріучается къ повиновенію и чинопочитанію, откуда происходитъ, что истинная нравственная дисциплина вкореняется въ немъ глубже, нежели какъ это можетъ быть въ другихъ обществахъ, не имѣющихъ военнаго устройства. Справедливо, что на службѣ и по самому даже роду службы дисциплина казачья не имѣетъ того рѣзкаго внѣшняго выраженія, какъ въ регулярномъ войскѣ, но, тѣмъ не менѣе, она составляетъ дѣйствительное нравственное качество нынѣшняго казака. Если, въ военное время, вы услышите отъ своихъ или непріятельскихъ жителей что нибудь нехорошее о казакахъ, ищите причину въ личныхъ качествахъ командира и офицеровъ, и какъ личность составляетъ камень преткновенія для разговора въ большомъ обществѣ, то я и не могу распространиться объ этомъ предметѣ....

Именно раннему развитію въ себѣ нравственной дисциплины казакъ обязанъ тѣмъ, что, при вступленіи въ службу, дѣлаетъ не нужнымъ для себя это перевоспитаніе, которое нужно солдату, и отсюда происходитъ, что чувство собственной личности въ казакѣ рельефнѣе, чѣмъ въ солдатѣ. И то же надобно сказать, что иррегулярное войско менѣе слито въ собирательную безличную силу, что казакъ менѣе отрѣшенъ отъ общества, чѣмъ солдатъ. Нашъ братъ переноситъ изъ станицы въ строй нѣчто изъ своего почетнаго положенія отца семьи и гражданина, присоединяющаго свой голосъ къ гулу мірской сходки. Въ нашихъ рядахъ часто стоятъ вмѣстѣ отецъ и сынъ, дяди и племянники. Загляните во внутренній бытъ нашей сотни, и вы найдете, что въ обращеніи односумовъ между собою гораздо больше обходительности и почтительности, чѣмъ у васъ въ ротѣ или въ эскадронѣ. У насъ и рядовые люди величаютъ другъ друга по отчеству: молодой говоритъ пожилому полное имя и отчество, а пожилые между собою дѣлаютъ сокращеніе — величаютъ однимъ только отчествомъ: Радивонычъ, Сазонычъ и т. п. Солдатамъ это въ диковину, и за это единственно они выдумали называть насъ «гаврилычами», какъ будто бы въ этомъ было что нибудь предосудительнаго. Для однихъ развѣ Нѣмцевъ это предосудительно, потому что у нихъ, нисколько не разсердившись, въ хладнокровномъ состояніи, бросаютъ другъ другу въ лицо прозваніе; а у насъ есть на то отчество. Наше величанье по отчеству солдатамъ кажется въ диковинку оттого, должно быть, что они

взяты въ службу отъ сохи, съ деревенскихъ палатей; мы же поступаемъ въ строй изъ среды болѣе благовоспитанной, — мы вѣдь растемъ въ военномъ чинопочитаніи и въ уваженіи къ старшимъ. Кто добросовѣстно уважаетъ старшаго, тотъ будетъ уважать и равнаго и себя тутъ же. Имѣя въ виду эту нравственную особенность казаковъ, нужно дѣлать съ ними строевое ученье просто, спокойно, болше толковать, чѣмъ шумѣть, — нужно держать ровный тонъ. Пускай командующій голосъ и возвысится, когда нужно, до строгости, но пускай онъ никогда не переходитъ въ нетерпѣливый крикъ. Трудно себѣ представить, какъ честный казакъ чувствителенъ къ подобнымъ восклицаніямъ. И зачѣмъ они? Чѣмъ болше человекъ уважаетъ само-го себя, тѣмъ дѣйствительнѣе будутъ для него доброе слово, разумное внушеніе, и, наоборотъ, тѣмъ меньше будетъ имѣть желаемаго дѣйствія оскорбительное обращеніе, напрасно смѣшиваемое нѣкоторыми съ строгостію.

Не выгодно также доводить съ казаками фронтова занятія до крайности, способныя только отбить охоту къ строю и подорвать любовь къ службѣ, къ той именно службѣ, которая, въ военные дни, творитъ подвиги безъ командованія и контроля. Нигдѣ, можетъ быть, не нужно такъ дорожить охотою, какъ въ иррегулярномъ войскѣ: здѣсь только то дѣлается вполне хорошо и отлично хорошо, что дѣлается съ охотою.

Въ одномъ изъ нашихъ военныхъ журналовъ, за нынѣшній годъ (*), попалась намъ весьма дѣльная замѣтка регулярнаго офицера, командующаго казачей частью. Въ этой замѣткѣ столько практической истины, что мы не можемъ не привести ее здѣсь:

«Мы (регулярные офицеры) пріѣзжаемъ на службу въ казачью батарею, пропитанные духомъ педантизма и щепетильности. Все, что видимъ здѣсь, не такъ, какъ мы привыкли видѣть въ Россіи. Казакъ ходитъ не по солдатски, чиститъ лошадь иначе, на домашней службѣ одѣтъ весьма бѣдно и не со всѣмъ опрятно (одежда его собственная); на ученьи, хотя знаетъ свое дѣло, но нѣтъ щегольства въ исполненіи; равеніе небезукоризненно, протравники и банники не стучатъ, какъ одинъ; у лошадей шея не кольцомъ, грива не подщипана волосокъ къ

(*) «Артиллерійскій Журналъ» 1860 г., № 2. Смѣсь. Замѣтка на статью г. Вакульскаго, подполковника Есакова.

волоску. Вотъ мы и приходимъ въ отчаяніе, что пришлось командовать такою *разстроенною* частію, и давай муштровать людей; держимъ ихъ въ паркѣ и на конюшнѣ цѣлый день, настидаемъ на то, чтобы на домашней службѣ казакъ былъ одѣтъ щеголемъ. Несомнѣнно, что казакъ болѣе развитъ, чѣмъ солдатъ; а потому не знающему духа казачьяго нельзя съ пользою для службы командовать казачей частію. Во многихъ случаяхъ, гдѣ солдату отдается приказаніе, которое безпрекословно исполняется, казаку весьма полезно объяснить цѣль этого приказанія, что заставитъ его еще лучше исполнить требуемое. На самолюбіе казака легко дѣйствовать; но на него производитъ непріятное ощущеніе неприступность начальника. Далеко завлекъ бы меня болѣе подробный анализъ казачьяго характера; ограничусь сказаннымъ.»

Сказанное здѣсь насчетъ казачей батареи вполнѣ относится и къ другимъ казачьимъ строевымъ частямъ. Требовать отъ этихъ частей того же самаго, что требуется отъ частей регулярныхъ, конечно, несправедливо и даже нелогично; однако, это еще извинительно для сторонняго офицера, не успѣваго еще ознакомиться съ тѣми особенностями, которыя дѣлаютъ подобныя требованія неумѣстными. Онъ ихъ смягчитъ, когда войдетъ въ свое новое положеніе, какъ Грузины говорятъ: «перемѣнится, когда напьется воды изъ Куры». Но нельзя ничего сказать въ извиненіе природнымъ казачьимъ офицерамъ, которые, заучивъ гдѣ нибудь и какъ нибудь фронтую механику, надмеваются предъ неровнымъ фронтомъ своей простой братьи и являются самыми оглушительными, самыми неумолимыми требователями фронтоваго совершенства. Они видѣли это совершенство подъ другимъ мундиромъ, на плацъ-парадѣ, но не видѣли, какъ оно подготавливается и достигается. Они сами сдѣлались фронтологами путемъ тупой рутины; а рутинѣ, дѣйствительно, неумолима, потому что она не соображаетъ и не мыслитъ. Въ арміи хорошо знаютъ, какъ берутся за развитіе солдата офицеры, вышедшіе изъ фельдфебелей и вахмистровъ. Также точно берутся за строевое развитіе казака и упомянутые фронтологи-эмпирики, которые тоже выходятъ нерѣдко изъ вахмистровъ или же стоятъ на вахмистерской ступени умственнаго образованія. Добившись внѣшняго знанія путемъ рутины, они хотятъ вести казаковъ тѣмъ же тернистымъ путемъ и только оправды-

вають извѣстную сатиру казацкаго поэта на неудачное, неосмысленное регулированіе иррегулярнаго войска (*):

Подобные строевые наставники способны только вносить въ казачество предубѣжденіе противъ строя и распространять между лучшими людьми мнѣніе, что строй для казаковъ вреденъ. Съ такими строителями не мудрено, что будетъ вреденъ.

Истинное знаніе не морочить не знающихъ людей. Истинное желаніе передать знаніе не поднимается на ходули; напротивъ, оно само упрощается, чтобъ снизойти до уровня простыхъ разумѣній. Тогда только знаніе передается здраво и плодотворно. Въ наши дни, начинаютъ иначе смотрѣть на ученье вообще; мѣры и приемы, которые считались полезными, признаются, наконецъ, вредными. То же слѣдуетъ признать и въ отношеніи къ строевому ученю, а особенно ученю казаковъ. Ихъ надобно считать взрослыми учениками.

Все сказанное до сихъ поръ относится до казачей конницы. Насчетъ образованія казачей пѣхоты я имѣлъ случай высказаться въ другомъ мѣстѣ (**). Не могу скрыть здѣсь мое послѣднее желаніе, чтобы настоящія строки, какъ онѣ ни маловажны, остановили на себѣ частичку вниманія молодыхъ казаковъ, выходящихъ изъ военно-учебныхъ и другихъ заведеній на благородное поприще службы. Въ нашемъ старѣющемъ поколѣніи есть только исключительныя мнѣнія, но нѣтъ обмѣна мыслей. Je donne mon avis non comme bon, mais comme mien (***).

ЕСАУЛЪ.

29 августа 1860.

С.-Петербургъ.

(*) «Эвнда», И. Котляревскаго. Изъ того мѣста, гдѣ говорится:

Тогді ну військо муштровати,
Учить мушкетный артикуль,
Впередь якъ ногу викидати.
Ушкварить якъ на калавуръ.
Коли пішкомъ — такъ маршъ шульгомъ,
Коли верхомъ — гляди жь, правою
Щобъ шкапа скочила впередь....

(**) «Военный Сборникъ» 1860 г. № 1. Статья: *Письма казаки*.

(***) Montagne.